

DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-2-24-33

УДК 930.25
ББК 6.3(2)45-3

В.Г. ТКАЧЕНКО

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И АРХИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИКАЗНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (на примере Чувашского края¹)

Ключевые слова: архив, делопроизводство, дьяк, контроль, наказ, наказная память, подьячий, поручительство, переписная книга, приказная изба, росписной список, указная грамота, челобитная.

Целью исследования является выявление основных форм и методов контроля центральной и местной власти в сфере делопроизводства и архивного дела на региональном уровне государственного управления.

Методы и материалы. Источниковой базой исследования послужили недавно опубликованные документы Ядринской приказной избы из фонда № 157 Ядринская воеводская изба (1645–1775), хранящегося в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

В основе исследования лежат базовые принципы исторического познания – объективность и историзм, предполагающие всесторонний критический анализ исторических процессов и явлений в их формировании, становлении и развитии. На основе историко-типологического метода предпринята попытка выявить общие тенденции реализации контроля в конкретных проявлениях делопроизводственной и архивной деятельности местных государственных учреждений.

Новизна исследования заключается не только в использовании новых источников, ранее не привлекавшихся для исследования заявленной темы, но и в восполнении существующего пробела в разработке истории Чувашии, связанного с делопроизводственной и архивной деятельностью местных органов власти на территории края в досоветский период. Научно-практическая значимость предлагаемой публикации отвечает проблемам современного отечественного архивоведения.

Результаты исследования. Субъектами контроля в рассматриваемый период выступали царь, Боярская дума, приказы, а также воеводы, назначавшиеся верховной властью для управления отдельными территориями. В качестве методов контроля использовались: направление Боярской Думой ревизоров – «сыщиков» – для проверки действий воевод; представление ежегодных отчетов – «сметных книг» и составление росписных списков при смене воевод для отчета Приказу Казанского дворца; практика хранения присылаемых из центральных органов власти документов у их непосредственного получателя, а также в виде копии – в приказной (съезжей) избе; система подачи челобитных для реализации обратной связи с населением; институт поручительства. Документы, в том числе архивные, не только являлись объектом контроля, но и играли значимую роль в реализации самой контрольной деятельности.

Выводы. С точки зрения своей организации сложившаяся в XVII в. система контроля в сфере делопроизводства и архивов представляла собой важный элемент государственного управления и в целом справлялась с поставленными задачами.

Долгое время в отечественной историографии доминировало мнение о том, что одной из слабых сторон и недостатком приказной системы было отсутствие особого органа контроля в сфере управленческой деятельности. Однако, как справедливо полагает О.В. Новохатко, контрольные функции были

¹ Условное обобщенное название территории, включавшей три уезда Казанской губернии: Цивильский, Чебоксарский и Ядринский, а также части территорий Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии, где, согласно Всероссийской переписи 1897 г., компактно проживало более 478 тыс. чувашей.

заложены в самом устройстве системы управления XVII в. [7. С. 126]. По ее мнению, «контроль обеспечивался тесной спаянностью звеньев государственного управления по вертикали, которая достигалась не путем канцелярской переписки или эпизодическими разовыми проверками, а непосредственным участием администраторов вышестоящих органов в делах подчиненных им учреждений» [7. С. 126]. То есть отсутствие специально учрежденной контролирующей структуры не означало отсутствия самого контроля.

Посвятивший отдельное исследование архивам и царскому контролю приказной службы в XVII в. Д.Я. Самоквасов утверждал, что и контроль деятельности дьяков и подьячих по организации хранения архивных документов в целости и порядке и их использование были основаны в Московском государстве «на разумных началах» [8. С. 7].

Целью исследования является выявление основных форм и методов контроля центральной и местной власти в сфере делопроизводства и архивного дела на региональном уровне государственного управления.

Методы и материалы. Источниковой базой исследования послужили недавно опубликованные документы Ядринской приказной избы из фонда № 157 Ядринская воеводская изба (1645–1775), хранящегося в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

В основе исследования лежат базовые принципы исторического познания – объективность и историзм, предполагающие всесторонний критический анализ исторических процессов и явлений в их формировании, становлении и развитии. На основе историко-типологического метода предпринята попытка выявить общие тенденции реализации контроля в конкретных проявлениях делопроизводственной и архивной деятельности местных государственных учреждений.

Новизна исследования заключается не только в использовании новых источников, ранее не привлекавшихся для исследования заявленной темы, но и в восполнении существующего пробела в разработке истории Чувашии, связанного с делопроизводственной и архивной деятельностью местных органов власти на территории края в досоветский период. Научно-практическая значимость предлагаемой публикации отвечает проблемам современного отечественного архивоведения.

Результаты исследования. Субъектами контроля в рассматриваемый период выступали царь, Боярская дума, приказы и воеводы, назначавшиеся верховной властью для управления административно-территориальными единицами Московского государства.

Высший контроль осуществлялся непосредственно царем, к которому через приказы стекалась вся информация о состоянии дел в государстве. При Алексее Михайловиче он реализовывался через Приказ тайных дел, а также Тайную или Комнатную царскую думу, выступавшую в качестве личной канцелярии царя. Не будучи органами, созданными какими бы то ни было царскими указами, они, по мнению Д.Я. Самоквасова, представляли собой семейные учреждения, традиция существования которых в Московии уходила корнями во времена князя Даниила Александровича и была обусловлена необходимостью ведения обширного и сложного домохозяйства. Семейный характер этих органов, как утверждал ученый, не предполагал издания соответствующих законов [8. С. 11–13, 20].

Важнейшей частью системы контроля являлась Боярская дума, которую В.О. Ключевский называл учреждением, наблюдавшим и руководившим управлением [4. С. 501]. В вопросах порядка управления и правомочности действий местной администрации она играла решающую роль. «По Судебнику 1550 г. – указывал историк – только государь или все бояре, «приговоря вместе», могли через приказ вызвать областного управителя к отчету в приказных делах раньше срока, на какой дана ему должность» [4. С. 501]. При этом дума, пользуясь остатками земского самоуправления, обладала полномочия устанавливать прямой и постоянный надзор за деятельностью власти на местах, а в XVII в. в экстренных случаях еще и посылать назначенных ею ревизоров – «сыщиков» – для проверки действий воевод [4. С. 501].

Еще одним звеном правительственного контроля выступали территориальные приказы (в нашем случае – приказ Казанского дворца), куда воеводы обязаны были представлять росписные списки, сметные и описные книги [8. С. 9]. Через приказы воеводы (вновь назначенные и сменяемые) получали, соответственно, наказы и указные грамоты. В них перечислялись подлежавшие приему-передаче документы приказных изб. Эти перечни выступали в роли своеобразных индикаторов, по которым можно было отследить, все ли документы на месте, т.е. обеспечила ли местная администрация их сохранность в соответствии с требованиями законодательства. При этом основной акцент делался на финансово-учетную документацию. Факт сохранности документов подтверждался росписным списком. Лишь после отправки «подлинной росписи» в приказ Казанского дворца сменяемый воевода мог покинуть место своей службы и отправиться с отчетной документацией в Москву, а новый воевода считался вступившим в должность.

«Перекрестный» характер такого контроля, когда вновь назначаемые воеводы получали наказы, а сменяемые – указные грамоты из территориальных приказов, как представляется, существенно повышал его эффективность.

Кроме того, приказы следили за обеспечением воеводами сохранности и описания документов. Им должны были доставляться росписи и ежегодные отчеты – «сметные книги», содержавшие сведения о делах приказных и съезжих изб, причем только за отчетный период времени – за последние 2–3 года. Описи дел прежних лет уже находились в приказах по высылкам воевод предыдущих лет [8. С. 9].

Из приказов же присылались указные грамоты с предписаниями о составлении «описных» или «переписных» книг, в которых все документы архива описывались «на перечень, имянно» [8. С. 10]. В определенный срок и под угрозой царской опалы за неисполнение данного требования «описные книги» представлялись царю, что, по утверждению Д.Я. Самоквасова, было обычной формой ежегодной отчетности [8. С. 12].

Важным субъектом контроля выступал и сам воевода, следивший за сохранностью архивов провинциальных приказных учреждений. «Как главный правитель и судья, ведавший все местные дела, – подчеркивал Д.Я. Самоквасов, – воевода должен был направлять и контролировать подчиненных ему дьяков и подьячих, а в частности, и их деятельность по описанию и хранению в целости и порядке всех дел, составлявших содержание воеводских архивов» [8. С. 8]. При отсутствии воеводы контрольные функции переходили к лицам, временно исполнявшим обязанности воевод [8. С. 8], что можно проследить

и на территории Чувашского края. Например, вместо отсутствовавшего при смене чебоксарского воеводы А.П. Вельяминова свою подпись на росписи поставил его племянник Федор Вельяминов [1. С. 288], после смерти ядринского воеводы Я.Ф. Селиверстова его полномочия перешли сыну Ф.Я. Селиверстову [9. С. 308], а вместо находившегося под следствием ядринского воеводы Л.Г. Ефимьева его обязанности исполнял приказной человек Ю.И. Левашов [9. С. 240–241].

Составной частью воеводского контроля, имевшей непосредственное отношение к делопроизводству и архивам, была практика хранения присылаемых из центральных органов власти документов у их непосредственного получателя, а также в виде копии – в приказной (съезжей) избе. «А прочесть сю нашу грамоту, – говорится в указной с прочётом грамоте из Приказа Казанского дворца алатырскому воеводе Ф.И. Нащокину об отдаче Киево-Николаевскому новодевичьему монастырю заводи Старица от 19 февраля 1640 г., – и списав с нее список слово в слово [да тот] список за своею рукою, оставил в нашей казне в съезжей избе. А сю нашу подлинную грамоту отдал бы еси игумену Мефодию з братею и игуменье Елисавет с сестрами» [2. С. 8]. Данная мера обеспечивала контроль за целостностью письменной информации и ее защиту от подлога.

Как свидетельствуют источники, основной акцент в контрольной деятельности делался на причиненный ущерб казне и «обидах населению». Поэтому в первую очередь контроль в делопроизводственной и архивной сферах в рассматриваемый период был неотделим от контроля финансового. Примером может служить указная грамота ядринскому воеводе Л.Г. Ефимьеву от 29 марта 1681 г., присланная из приказа Казанского дворца, – о высылке для отчета к приказным судьям денежной казны, верных голов и целовальников. В ней он обвинялся в нерадении о государевых делах: «<...> Наш, великого государя, указ поставил себе в оплошку, а кружечного двора верному голове и целовальником в той высылке учинил поноровку (по В.И. Далю – попустительство, потакание) для своей бездельной корысти. И то ты учинил не гораздо. <...> А будет ты своею оплошкою и нерадением тое нашей, великого государя, денежной казны и голову и целовальников с книгами к нам, великому государю, к Москве для отчета вскоре не вышлешь, и в том им какую поноровку учинишь для своих взятков, и тебе за то от нас, великого государя, быти в великой опале, да ты же посажен будешь на неделю в тюрьму» [9. С. 221–222, 534]. Как видим, в качестве доказательства «оплошки» фигурируют документы – приходно-расходные книги.

Кроме того, особое значение в контрольной деятельности приобретала система подачи челобитных, служившая, по мнению О.В. Новохатко, «источником постоянной, прочной и короткой обратной связи между руководством государства и населением». «При всех минусах государственного устройства, – подчеркивает исследовательница, – она обеспечивала известную степень эффективности в управлении» [7. С. 126–127].

С этой целью, например, практиковалось доведение копий наказов воеводам до земских изб. Это открывало возможность старостам и «земским всяким чинов жителям» направлять в Москву собственноручно подписанные челобитные с подробным указанием, «против которых статей какая неправости в доходах государевой казне или в их обидах учинит» воевода [4. С. 502]. «Такой

порядок надзора, – подчеркивал В.О. Ключевский, – должен был иметь значительную степень энергии благодаря тому, что государю и боярам докладывался вообще всякий необычайный случай в центральном и областном управлении, неповиновение воевод предписаниям приказов, как и пропажа ста рублей казенных денег из лубяной коробки в приказной казенке или присылка в Москву таможенных книг, не закрепленных по листам рукою таможенного головы, за что бояре приговорили его “бить батоги”» [4. С. 502].

В связи с этим можно упомянуть Приказ сыскных дел (известный также как Приказ «что на сильных людей челом бьют», или Приказ приказных дел), созданный «по челобитью розных городов дворян и детей боярских, и мурз, и татар» в самом начале царствования Михаила Федоровича Романова – не позднее 22 августа 1618 г. [5. С. 150]. Целью его учреждения было «во всяких обидных делах на <...> бояр и на окольных, и на дворян, и на приказных людей управу давать и сыскивать без суда бояром нашим князю Ивану Борисовичу Черкасскому, да князь Данилу Ивановичу Мезетцкому, да дяком нашим Ивану Болотникову, да Добрыне Семенову безо всякие волокиты тотчас» [5. С. 149]. Начав свою деятельность при чрезвычайных обстоятельствах – в один из самых критических моментов в борьбе с польским королевичем Владиславом – он не смог прочно утвердиться в приказной практике. Однако для провинциальных служилых людей идея такого органа власти еще долго оставалась весьма привлекательной. Действовавшие же в других сферах сыскные приказы оставались в 1620–1630-е гг. важной частью государственного управления. Их роль в реализации контрольной деятельности власти несомненна.

Использование челобитных в качестве инструмента контроля хорошо видно на примере документов Ядринской приказной избы. Так, в памяти приказного человека Ю.И. Левашова ядринскому воеводе Л.Г. Ефимьеву о передаче последним управления городом и ключей в связи с выездом для следствия в г. Курмыш говорится о причинах отстранения от должности воеводы: «В нынешнем во 191-м году (1682 г. – *В.Т.*) по указу великих государей и по грамоте и по наказу боярина и воеводы, князя Юрья Семеновича Урусова, с товарищи велено Юрию Левашову, приехав в Ядрин и приняв у тебя город и городовые ключи *тебя и подьячего Кузьму Иванова да стрельца Ивашка Федорова с товарищи против челобитья чюваши Казанского уезду Арские дороги деревни Шигалеевы Сормы Савмурски Семенова с товарищи в разоренье и во взятках роспросить и выслать из Ядрина на Курмыш, а против их чювашского челобитья про все сыскать всякими сыски накрепко*» [9. С. 240–241].

Еще один интересный эпизод связан с принуждением к государственной службе М.С. Ляцкова. В начале июня 1662 г. служилые люди И.А. Омачкин, М.Ф. Омачкин и Ж.П. Новокрещенов подали челобитную в Ядринскую приказную избы, в которой жаловались на него за неявку на службу в Ядрин: «По твоему, великого государя, указу велено нам, холопам твоим, быть в Ядрин для твоей государевы службы четырьмя человеком: мне, Ивашку, да Жданку, да Матюшке. Да с нами же велено выслать Михаила Семенова сына Ляцкова. И мы, холопы твои, для твоей государевы службы в Ядрин приехали, а Михайло Ляцкой в Ядрин для твоей государевы службы не будет, чинится silen. Милосердый государь [титул и имя], пожалуй нас, холопей твоих, вели, государь, по него, Михаила Ляцкова, послать, и вели, государь, его, Михаила, поставить

в Ядрине для своей государевы службы. А буде он, Михайло, станет укрываться от твоей государевы службы, и вели, государь, взять людей ево или крестьян» [9. С. 53].

Реакцию центральной власти на челобитье местного населения можно проследить на примере указной грамоты приказа Казанского дворца ядринскому воеводе И.С. Овцыну от 23 августа 1687 г. об отстранении от дел подьячего денежного стола приказной избы К. Кирякова, обвинявшегося не только в вымогательстве взяток, но и угрозах челобитчикам. «А ему, Костянтину, – говорится в документе, – в подьячих быть не велел для того, что на него, Костянтина, от чюваши и от черемисы в обидах и налогах челобитье многое» [9. С. 363]. При этом в грамоте имелось предписание выслать провинившегося подьячего «за поруками» в приказ Казанского дворца.

Важным элементом контроля, непосредственно влиявшим, в том числе, и на процессы документирования, выступал институт поручительства, который активно применялся в системе управления Русского государства. «Князья Московские, – подчеркивал известный отечественный правовед С.П. Никонов, – отличались замечательной последовательностью в применении на все подходящие случаи тех мер и приемов, которые в каком-либо конкретном случае внутреннего управления давали хорошие результаты. С такою последовательностью, между прочим, был проведен ими способ обеспечения верности служилых людей государству путем установления за них ручательства со стороны третьих лиц» [6. С. 36].

Если в отношении «поруки по боярам» речь в буквальном смысле шла о верности в службе князю или царю, то в части ручательства за точное исполнение будущих обязанностей выборными лицами судебно-административного управления (приставами, пятидесятскими, десятскими, губными старостами, тюремщиками и другими) этим обеспечивалось исправное несение ими службы. И дело было не только и не столько в угрозе уголовной ответственности в виде взыскания «иска вдвое» и торговой казни в случае нарушения ими закона после получения соответствующей должности.

Суть такого метода контроля заключалась в материальной ответственности поручителей. С их имущества «как правительство, так и потерпевшие от проступков чиновника лица могли взыскать понесенные ими убытки». Кроме того, правительство взымало с них еще и «особый штраф в наказание за избрание и ручательство по дурному человеку, – как бы возмездие за злоупотребление доверием правительства, возложившего, благодаря такой рекомендации, на недостойное лицо отправление службы государственной» [6. С. 35–36]. Не желая платить за «чужие грехи», поручители поневоле вынуждены были осуществлять какие-то действия контролирующего характера, содействуя в этом деле органам управления.

Таким образом, центральная власть получала многократную выгоду: во-первых, она дистанцировалась от провинившегося лица (не ее назначенец); во-вторых, обеспечивала контроль за исправной службой выборных лиц путем привлечения к этому делу поручителей; в-третьих, компенсировала за счет поручителей материальный ущерб казне и пострадавшим лицам; в-четвертых, получала еще один источник дохода в государственную казну.

Несколько интересных свидетельств, связанных и с поручительством, и с процессами документирования, сохранилось в делопроизводстве Ядринской приказной избы. Так, в поручной записи за местного площадного подьячего

И. Иванова от 3 сентября 1683 г. зафиксировано: «Се я[з], Ядринской приказной избы подьячие Костянтин Федоров сын Киряков, да яз, Федор Данилов сын Попов, да яз, Гаврила Лукьянов сын Скрыпов, да яз, ядринские посацкие люди Иван Григорьев сын Коротков, да яз, Емельян Ондреев сын Зябликов, все есми порутчики поручились есми в Ядрине-городе в казну великих государей по ядринском по безмесном дьячке по Иване Иванове в том, что писать ему, Ивану, за нашу порукою в Ядрине на площади всякие крепости и челобитные и памяти. А воровских крепостей и составных челобитен не писать, и заочно никого в записи и ни в какие крепости не писать, и заочно рук не прикладывать. *А буде он, Иван, за нашу порукою, будучи на площади, какие составные крепости и челобитные и памяти учнет писать или заочно кого в какие крепости учнет писать же, и на нас, на порутчиках, великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, пеня, а пени что великие государи укажут*» [9. С. 292–293].

Еще один документ – наказная память ядринского воеводы Д.И. Алфимова приставу Ф. Лаптеву о взятии поручных записей по трем старцам Казанско-Богородицкого монастыря в их явке в Монастырский приказ от 18 июня 1662 г., которой предписывалось: «*Дать ему на поруку з записью Ядрина города пустыни пречистые Богородицы Казанские и человека божия Алексея, что на старом городище старцов Ерофея да казначея Льва, да черного попа Боголепа, что им ис Ядрина до указа великого государя никуда не сойти. Да им же старцом казначею Льву да Ерофею за порукою велеть стать на Москве тотчас с приходными и с расходными книгами и с роспросными речами в Монастырском приказе и явитца окольничему Ивану Большому, Федоровичу Стрешневу, да дьяком Ивану Зиновьеву, да Ондреяну Ерохину, да Филину Артемьеву*» [9. С. 55].

Особо отметим в данном случае требование явиться в Москву с приходными и с расходными книгами, имевшими, очевидно, ключевое значение для рассмотрения дела.

Наиболее ярким примером контрольной деятельности, оказывавшей влияние на делопроизводство и архивы на территории края, может служить указанная послушная грамота приказа Казанского дворца, посланная в июне 1701 г. ядринскому воеводе П.Л. Касаткину-Ростовскому. В ней он извещался о том, что стольнику и казанскому воеводе Н. Кудрявцову «с товарыщи» велено «в Казани и в городех и в селех переписать денежную казну, и всякую (мяхкую) рухель, и пушки, и всякое ружье со всякими полковыми припасы, и в приказной полате и в приказных избах всякие наши, великого государя, и челобитчиковы дела и грамоты о всяких делах, и приходные и расходные книги, и сметные и пометные спи(ски), и писцовые, и межевые, и переписные, и стрельные книги, и отказные, и отдельные, и роздельные, и ясашные, и оброчные, и записные судным делам и допросом и челобитчиковым и всякие записные кн[иги], и всякие на земли, и на людей, и на крестьян, и на бобылей крепости, тако ж у кого в городех есть у помещиков, и у вотчинников, и у грацких, и у дворцовых, и у ясашных людей на земли ж и на поместья, и на вотчины со всякими угодьями, и на людей, и на крестьян всякие крепости прошлых всех лет, что есть, и нынешнего 1701-го, запечатав в Казани в приказной полате (ему, Никите), а в достальных во всех низовых городех москвичам,

которые в Казани испомещены, и казанцом дворяном знатным людем» [9. С. 488]. В связи с этим ядринскому воеводе предписывалось полностью обеспечить проведение предстоящей ревизии: «И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, а ис Казани для переписи всяких дел из дворян хто прислан будет, и т[ы б] ему в том деле был послушен и велел дать съезжей и стоялой двор, и для письма приказной избы и площадных подьячих всех, и к тому делу чернил, и бумаги, и свеч из неокладных доходов» [9. С. 488].

К сожалению, свидетельств подобного рода, связанных с территорией края за более ранний период, пока выявить не удалось. Однако, учитывая тот факт, что с 1621 г. в системе государственного управления функционировал приказ счетных дел, который «считал государственные доходы и расходы по книгам всех других центральных приказов и областных учреждений и стягивал к себе остатки от текущих расходов, где таковые оказывались, обращался в другие приказы с запросами по исполнению ассигновок, данных должностным лицам, послам, полковым воеводам, вызывал к отчету из городов земских целовальников с их прихода-расходными книгами» [3. С. 145], надо полагать такая контрольная деятельность осуществлялась и на территории местного края и при этом не носила лишь эпизодический характер.

Выводы. Таким образом, сложившаяся в XVII в. система контроля в сфере делопроизводства и архивов была важным элементом государственного управления и с точки зрения своей организации в целом справлялась с поставленными задачами. При этом документы, в том числе архивные, не только являлись объектом контроля, но и играли значимую роль в реализации самой контрольной деятельности.

Литература

1. *Димитриев В.Д.* Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XXI. Чебоксары, 1962. С. 282–318.
2. Киево-Николаевский новодевичий монастырь в г. Алатырь (Сборник документов XVII – начала XVIII веков). Чебоксары: [Б.и.], 2004. 76 с.
3. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1988. 414 с.
4. *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси / [Соч.] В. Ключевского. 3-е изд., [пересм.]. М.: Синодальная типография, 1902. VI, 3-547 с.
5. *Козляков В.Н.* О времени создания Приказа сыскных дел // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: доклады и сообщения научной конференции / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ист.-арх. ин-т [и др. ; сост.: Е.А. Антонова и др. ; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева]. М.: РГГУ, 2000. С. 149–150.
6. *Никонов С.П.* Поручительство в его историческом развитии по русскому праву: Исследование Сергея Никонова. СПб.: Товарищество Эконом. типо-лит. Панфилова и Палибина, 1895. 216 с.
7. *Новохатко О. В.* Эффективность государственного управления во второй половине XVII в. // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 4-5 декабря 2012 г.) / Ин-т российской истории РАН, РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. 589 с.
8. *Самоковасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1902. 47 с.
9. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис; ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 640 с.

ТКАЧЕНКО ВЛАДИМИР ГЛЕБОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vlagletka@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4111-404X>).

Vladimir G. TKACHENKO

**IMPLEMENTING CONTROL OF CLERICAL AND ARCHIVAL ACTIVITIES
IN THE DEPARTMENTAL SYSTEM UNDER MANAGEMENT
OF THE RUSSIAN STATE TERRITORIES
(on the example of the Chuvash Region)**

Key words: archive, office work, clerk, control, mandate, ordained memory, cosignatory, suretiship, census book, government office, sign-up list, edict, petition.

The purpose of the study is to identify the main forms and methods of controlling central and local authorities in the field of record keeping and archival affairs at the regional level of public administration.

Methods and materials. The source base of the research was made by recently published documents of Yadrin government office from the fund № 157 Yadrin Voivodeship office (1645–1775), stored in the Scientific and Historical Archive of St. Petersburg Institute of History under the Russian Academy of Sciences.

The research is based on the basic principles of historical cognition – objectivity and historicism, which presuppose a comprehensive critical analysis of historical processes and phenomena in their formation, evolution and development. Based on the historical and typological method, an attempt is made to identify general trends in implementing control in specific manifestations of the clerical and archival activities carried out by local state institutions. The novelty of the research lies not only in the use of new sources that were not previously involved in the study of the stated topic, but also in filling the existing gap in the development of Chuvashia's history associated with the clerical and archival activities of local authorities in the territory of the region in the pre-Soviet period. The scientific and practical significance of the proposed publication meets the problems of modern Russian archival science.

Study results. The subjects of control during the period under review were the tsar, the Boyar Duma, the prikazes, as well as the voivodes appointed by the supreme power to manage individual territories. As methods of control, the following were used: sending auditors – “detectives” – by the Boyar Duma to check the actions of the voivodes; submission of annual reports – “estimate books” and making up sign-up lists when changing voivodes to report to the Prikaz of the Kazan Palace; the practice of storing documents sent from the central authorities at their direct recipient, as well as in the form of a copy – in the government office (assembly house); the system of submitting petitions to implement feedback with the population; the institution of suretiship. Documents, including archival ones, were not only the object of control, but played a significant role in implementing the control activity itself as well.

Conclusions. From the point of view of its organization, the control system established in the XVII century in the field of records management and archives was an important element of public administration and generally coped with the tasks set.

References

1. Dimitriev V.D. *Dokumenty po istorii goroda Cheboksar XVII–XVIII vekov* [Documents on the history of the city of Cheboksary of the XVII–XVIII centuries]. In: *Uchenye zapiski ChNIIYaLIE. Vypusk XXI* [Scientific notes of Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics, issue XXI]. Cheboksary, 1962, pp. 282–318.
2. *Kievo-Nikolaevskii novodevichii monastyr' v g. Alatyry* (Sbornik dokumentov XVII – nachala XVIII vekov) [Kiev-Nikolaevsky Novodevichy Monastery in Alatyry (Collection of documents of the XVII – early XVIII centuries)]. Cheboksary, 2004, 76 p.
3. Yanin V.L., ed., Klyuchevskii V.O. *Sochineniya: v 9 t. T. 3. Kurs russkoi istorii. Ch. 3* [Essays: 9 vols. Vol. 3: Course of Russian history. Part 3]. Moscow, Mysl' Publ, 1988, 414 p.
4. Klyuchevskii V.O. *Boyarskaya дума древней Руси* [Boyar Duma of ancient Russia]. In: *Sochineniya V. Klyuchevskogo. 3-e izd.* [Works by V. Klyuchevsky. 3rd ed.]. Moscow, 1902, VI, pp. 3–547.
5. Kozlyakov V.N. *O vremeni sozdaniya Prikaza sysknykh del* [About the time of creation of the Order of detective cases]. In: Afanas'ev Yu.N. et al., comps. *Istoriik vo vremeni: Tret'i Zimin. chteniya: Doklady i soobshcheniya nauchnoi konferentsii* [The historian in time: The Third Winter Readings: reports and messages of the Sci. Conf.]. Moscow, 2000, pp. 149–150.
6. Nikonov S.P. *Poruchitel'stvo v ego istoricheskom razvitii po russkomu pravu: Issledovanie Sergeya Nikonova* [Surety in its Historical Development in Russian Law: A Study by Sergei Nikonov]. St. Petersburg, 1895, 216 p.

7. Novokhatko O.V. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya vo vtoroi polovine XVII v.* [The effectiveness of public administration in the second half of the XVII century]. *Rossiiskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Russian Statehood: the experience of 1150-year History»]. Moscow, 2013, 589 p.

8. Samokvasov, D. Ya. *Russkie arkhivy i tsarskii kontrol' prikaznoi sluzhby v XVII veke* [Russian archives and tsarist control of the command service in the XVII century]. Moscow, 1902, 47 p.

9. Chibis A.A., comp. *Svod pamyatnikov istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda. T. 1. Dokumenty Yadrinskoj prikaznoi izby vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka. Sost., Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk* [A set of monuments of the history of Chuvashia and the Chuvash people. Vol. 1. Documents of the Yadrin command hut of the second half of the XVII – beginning of the XVIII century]. Cheboksary, 2017, 640 p.

VLADIMIR G. TKACHENKO – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vlagletka@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4111-404X>).

Формат цитирования: *Ткаченко В.Г.* Реализация контроля делопроизводственной и архивной деятельности в приказной системе управления территориями Российского государства (на примере Чувашского края) // Исторический поиск / Historical Search. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 24–33. DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-2-24-33.